

Первым делом самолеты или как правильно пользоваться зубной пастой!

Ситуация кардинально поменялась ближе к 15 годам. Как-то, в очередной раз приехав в лагерь, я с полной уверенностью чувствовал себя совершенно индифферентным к лучшей половине нашего отряда. Кружок, где меня ждали нервюры, эмалит, стрингера и шпангоуты; борцовский ковер из старых матрацев, покрытый раритетом коврового творчества, привезенный возвращающимися войсками Красной Армии из освобожденной Европы вот в принципе и все, что меня могло заинтересовать в тот период времени. Однако...

В очередной раз рассуждая, что надо добавить в «горючку» такого, что бы выжать из двигателя максимальные обороты, мы яростно долбили пальцами по пропеллеру, пытаясь завести его. Прикрутив его к лавочке у кружка, мы поочередно проворачивали винт, регулируя компрессию и подачу топлива. Пальцы болели, истертые о винт. Игра с ним в «догонялки» была не в нашу пользу редкие вспышки, происходившие в камере сгорания двигателя, придавали винту резкое ускорение, которое отражалось в ударе по нашим пальчикам, распухшим как вареные сосиски. Двигок категорически отказывался заводиться хоть на «бедной смеси», хоть при «пережатой компрессии». Последствия тех истязаний двигателя до сих пор можно рассмотреть на моих пальцах.

— Наверное, весь эфир испарился — пробасил Зорька, у которого начинал мутировать голос. За последний год он вытянулся, став на полголовы выше любого из нас, сохранив изящность

своей фигуры. Кеды без шнурков на босу ногу с вывалившимися языками, пестренькая байковая рубашка на выпуск и треники с пузырями на коленках демонстрировали окружающим полный пофигизм и анархический задор растущего индивидуума.

Продолжая третировать двигатель, он в очередной раз получил по пальцам и теперь прыгал в пляске святого Витта, трясая кистью с отбитыми пальцами. Дважды он успевал отдернуть их при вспышке пережатого двигателя, но в третий раз воздушный винт, после хлопка в камере, провернувшего коленвал с немыслимой скоростью, догнал Андриюхины пальцы, оставив на них свежую ранку с проглядывающей кровью.

Настала моя очередь. Покрутив винт регулировки сжатия на головке цилиндра двигателя МК12В, я продул карбюратор и отвернул иглу жиклера на три оборота. Осторожно взяв руками винт, провернул его, слушая, как чавкает всасываемое топливо, омывая шатун, коленвал и поршень.

— Не тяни! Компрессии, компрессии поддай! — распаялся Игорек, вечный знайка того, чего не может быть.

Две попытки прошли безрезультатно, но поршень шел весело, без намеков на вспышку. Еще несколько ударов и первый, с оттенком случайности хлопок заставил нас войти в состояние экстаза. Парни напряглись, чуйкой ощущая наступление долгожданного момента. Еще удар! И нарастающий гул двигателя, мгновенно заполнивший пространство перед ДТТ дымом, запахами и ревом, сделал невозможным какие-либо разговоры в радиусе 50 метров.

— Компрессии, компрессии поддай! — кричал Игорек, протягивая руки к винту регулировки.

— Иглой его! Топлива открой! — кричали другие.

Двигатель еще раз взвизгнул и затих, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Дай теперь я! — кричал Игорь.

— Моя очередь! — настаивал Зорька.

Я тоже хотел предъявить свои права на продолжение эксперимента, как вдруг....

— Жень, можно тебя на минуточку? — спросила девочка с подстриженной прямой челкой, похожая на Мальвину. Что-то было в ее глазах такое, почему я не смог привычно отмахнуться, мол, не мешай, видишь занят и все такое...

Предоставив своим товарищам насладиться очередной возможностью запуска двигателя, весь в горючке и с перебитыми пальцами я отошел в сторону.

— Приходи сегодня вечером на танцы, я приглашаю! Придешь? — сказала Мальвина, моргнув длинными ресницами и опустив глаза к земле. А потом снова взглядом, острым как кинжал, на меня, и опять, укрывшись ресницами, долу Придешь?

За спиной завизжал двигатель. Кто-то попробовал его крутануть еще раз, но получил по пальцам. Теперь визжал Игорек. Дым еще не развеялся, а эфир из горючки уже уносил меня в неведомые дали. Я как зомби тупо закивал головой, не отрываясь от прямой челки и длинных ресниц, закрывших глаза.

— Ну, тогда до вечера! — и девочка с фарфоровой головой и прической с фиолетовым оттенком как у Мальвины, растворилась в облачке, оставленном выхлопами двигателя МК12В.

— Нет, наверное, все же эфира в топливе многовато! - подумал я про себя, растирая отбитой ладонью чумазую физиономию, стараясь вернуть резкость и реальность восприятия мира.

А вечером ни чего не было! Я заковырялся в кружке и напрочь забыл про танцы. Напрасно «Лесная тишина» сотрясала свои стены новыми эстрадными шлягерами. Напрасно народ махал руками, стоя у входа на высоком подиуме приглашающих зайти ступеней.

Наше кружковское братство составляло топливо по новому рецепту, мешая машинное масло, керосин и такой летучий, хранящийся в темных бутылках, эфир. Завтра очередные запуски ну как я мог пропустить и не подготовиться?

Линейки после танцев не было, поэтому в палату мы пришли чумазые, злые и смертельно уставшие. Оттерев в умывальнике носы и помыв холодной водой ноги, мы разбрелись по палатам, что бы завтра вернуться снова к любимому занятию.

По пионерскому обыкновению после отбоя начинались байки, рассказы или просто треп на свободную тему. В палате на четырнадцать коек всегда найдется свой златоуст либо слишком умный, либо талантливый врун (извините, сочинитель). Был такой и в нашей палате.

— Бредя по черному-черному подземелью ведьм наши герои не заметили как дошли до черного-черного дома из грубого дикого камня. Тяжелая дубовая дверь на черных железных петлях ржаво проскрипела, но открылась. Тлетворный запах ударил в нос. Паутина, свисавшая отовсюду, липла к лицу и волосам... — вещал утробным голосом наш народный сказитель, нагоняя жуть на лежавших под одеялами пацанов.

Были те, кто благодатно храпел, не смотря на преподнесенную перед сном жуть. Кто-то слушал, смачно зевая и все чаще смыкая сонные веки. Кто-то, напротив, был весь внимание, сильнее закутываясь в одеяло, и гоняя по рукам и позвоночнику пробегающих табунами «мурашек». Последние чутко реагировали на слова рассказчика и происходящее в палате.

— В глубине в черном-черном проеме окна тускло горела свеча ... — продолжал рассказчик.

— Вдруг дверь со скрипом захлопнулась, задув свечу, а ставни отворились. В черном-черном проеме окна появился белый силуэт и зловеще прошипел.... — поддавал жути отрядный Баян.

В это время обе створки окна в палате медленно и скрипуче стали открываться и в окне появился светлый силуэт. Огромная луна за его спиной придавала жутковатый оттенок происходящему. Некоторые не на шутку напряглись, сжав одеяла до белых костяшек на руках.

— Женька, девок пойдем мазать? — пробасило привидение голосом Зорька.

— Я уже и пасту согрел... — попытался он закончить фразу, но в это время пять или шесть предметов обуви полетели с разных мест в створ окна, заставив нежданного гостя с его немалым ростом сложиться вчетверо и укрыться за окном.

— Ну, Зорька, ты чудило! — выдохнули из себя сразу несколько активных слушателей.

— Нельзя же так! Родимчик может случиться! — уже не так негодуяще закончили они.

Надвинув кеды, я выпрыгнул в черную-черную темень окна вслед за приятелем.

Если кто думает, что процесс ночного мазанья зубной пастой это спонтанная бессистемная инициатива лунатиков, тот глубоко заблуждается!

Во-первых, это, не побоюсь сказать, целая наука!

Чем мазать? Например, болгарская паста Мэри-Члери сжигала тонкую девчоночью кожу напрочь, оставляя следы. Паста «Лесная» своим зеленым цветом пачкала постельное белье. Лучше всего подходила паста «Жемчуг» абсолютно белая и аллергено-безопасная. Мы же по-своему любили наших девчонок и не хотели для них лишних неприятностей.

Как мазать? Важно не то, сколько пасты ты выдавишь на девочку, а как это сделаешь! Настоящий мастер сначала греет тюбик до температуры своего тела. Существует немало мест, где это можно сделать. Например, подмышкой. Иначе от холодной пасты девочка непременно проснется. Только невоспитанный гоблин будет мазать руки и шею, что приведет к тому, что вся постель будет вымазана пастой, а это уже порча лагерного имущества. Вот подвести пастой брови и губки, выдавить луковку на нос это пилотаж! Проснувшиеся товарищи смогут оценить мастерство художника, белье не пострадает, а в душе пострадавшего не будет излишней злости. Красиво и в цель!

Во-вторых, только дилетанты ходят мазать просто так. Обычно мальчишки договариваются с девчонками, чтобы сбить спесь с особо «борзых» с обеих сторон. Определяются кандидатуры, время и уровень воздействия. Ювелирная работа сродни работе котрразведчика заключается в том, что бы правильно выбрать время и место акции. Это может быть в палате корпуса, в походной палатке, даже в изоляторе! Команду мазальщиков принимают и подводят к «объекту». В зависимости от нужной степени воздей-

ствия «мазанье» может дополняться зашиванием брюк, карманов. Популярно было прибивать обувь к полу или проделывать тоже с помощью клея. Удачным считалось так завязать в узел одежду, чтобы утром ее было невозможно развязать минимум до завтрака. Для этого свернутую в жгут одежду завязывали на растяжку, а потом еще и смачивали водой!

Короче говоря, нас с Андрюхой ждали. Забравшись через окно в палату к девчонкам, мы поохотали с теми, кто нас ждал. В этот раз мы шли «втемную», т.е. объект должны были показать на месте. Кутаясь в простыни, девчонки подвели нас к нужной кровати.

— Вот показали нам на лежащее под простыней тело — Достала всех своими слезами. Что-то у нее там не срослось на личном фронте. Спрашиваем — не говорит. Сидит и плачет! Второй день пошел. Человеческие меры не помогли, надо применять экстремальные!

И они завернули угол простыни, открыв личико с прямой челкой и волосами с фиолетовым отливом.

Не буду заострять внимание читателя на деталях дальнейшего пребывания в палате девочек, скажу только, что кандидатур было две.

Поутру в палате девчонок стоял дикий ржач, даже тогда, когда одна из них, прикрываясь простыней, босой убежала в умывальник, и оттиралась там, громко фыркая и ругаясь про себя.

Пионеры из другого корпуса в целях безопасности не подходили к ней на расстояние вытянутой руки. При этом они негромко хмыкали, лицезрея отдельные фрагменты работы «мазальщиков». Еще бы, вот вам, салаги, мастер-класс!

Нас с Зорькой вожатая вызвала к себе в комнату и долго с пристрастием пыталась, не наших ли тут рук дело? Из улик были найдены (определена по вкусу) зубная паста «Жемчуг» на лице и носу «пострадавшей» и шнурок из кеда. На требование предъявить шнурки к кедам Андрюха басовито на голубом глазу ответил:

— Мамань, ты же знаешь, у меня этих шнурков в кедах отродясь не было! Вон, Женька подтвердит!

Я отчаянно закивал головой и добавил:

— Наше дело самолеты, а девушки потом! Ты же знаешь, Анна!

Суровое лицо водителя дрогнуло, напряжение ушло, и уже по-своему она произнесла:

— Ладно, шkodить тоже нужно уметь! Главное не попадаться! Идите уже, мастера-мазальщики, и сделайте так, что б девочки не плакали! — и, распахнув дверь, выставила нас вон.

Девочка с фиолетовыми волосами проснулась со свернутой в трубочку бумажкой в руке. Что там было написано, история до нас не донесла, но плакать она перестала.

Правда, потанцевать с ней мне так и не пришлось. В ту смену было много горячки, много полетов, а на следующую смену она не приехала.